

Написано на входном билете в музей Андрея Рублева. В конверт вложены веточки карликовой березы и травы из тундры.

Мама!

Приехал в Мурманск. Всё хорошо, завтра еду в Кировск. Тебе, южанке, посылаю наши северные цветы, цветы из тундры и карликовую березу. 12 часов ночи, а у нас стоит солнце.

До встречи. Юра

Здравствуйте, родные!

Был в Кандалакше. Потом в заповеднике на острове Ряжков, в Белом море. Сидели почти двое суток. Когда доели последнюю банку тушенки и, казалось, нет возможности выехать, подошла лодка. Как в романах. Берега дивные: северные неяркие горы, лес, гнездовья гаги (единственные в мире).

Сегодня прибудем в Кемь, а затем на Соловецкие острова. 20-го будем в Онеге, затем через Вологду — в родной край.

Жив, здоров.

Привет от Кима и Вовки (*телестудии — Владимир Красиков, оператор Горьковской Н.А.*), работаем много. На Соловках беру этюдник. Ким взял для меня картон.

Привет всем-всем.

Юрий

24-7-64 г.

Написано на открытке

Мама!

Приехал в Череповец (родные края). Через час уезжаю в Кириллов, а потом Ферапонтово. Всё хорошо.

Мама, вышли в Ленинград до востребования на адрес Тайгина (он где-то в столе, в верхних ящиках). Это тот сумасшедший поэт, который был в июле.

Пожалуйста, перепечатай остаток стихов и подбери 3 экземпляра в Москву. Да, надо три (зачеркнуто) 4 листа. «Ю. Адрианов «Меридианы», «Радиостанция Поэзии», «Северная фреска», «Рассветное такси». Это титулы циклов. Соблюдайте формат бумаги.

Целуй бабу.

До встречи. Юра. 20-8-64 г.

Написано на открытке

Мама!

Сегодня приехал утром в Кириллов (опять знакомые места!). Потом Ферапонтов монастырь. Дионисий! Голубые фрески. Одним словом, здорово. Хотя чувствуется какая-то усталость, видимо, июль не прошел даром. Поезда, вокзалы...

Мама, как дела дома, напиши письмо в Вытегру Вологодской области, до востребования или в Ленинград. Сейчас возвращаемся в Кириллов, завтра Белозерск, а там начнутся новые места. Но в этом году и в старых местах чувствуешь много нового.

До встречи. Юр 21-8-64. Ферапонтово

Здравствуй, мама!

Вчера приехал в Петрозаводск. Плыл Волго-Балтом. Часов шесть нас легко, но муторно покачивало Онежское озеро. Сегодня целый день ходили по городу, были на студии (телевидения — Н.А.), были в музее. В городе писатели РСФСР. Сегодня нос к носу встретили Леонида Соболева, но подойти не решился: разве помнит! (Юра общался с ним на семинаре в Москве — Н.А.).

Хочется два дня пожить в Кижях, на острове Онежского озера, потом к водопаду Кивач, потом — Старая Ладога и Волховом — в Новгород, а оттуда — в Ленинград и Москву, хотя лучше сразу в Горький.

Мама, живём, клянусь, на редкость и пошлое удивление честно и трезво, но такие перегоны и мелкие затраты, что боишься купить какой-то проспект или книжонку. Если можно, вышли мне в Ленинград до востребования (буду 24-30-31-1-го) рублей 25-30. У меня на радио, теле и в газете есть рублей 120, и обидно из-за лишней десятки не заехать в Новгород. Когда ещё выберешься!

Как у вас дела? Бабка, наверное, скучает, даже побранить некого.

Мама, извини за просьбу, я могу обойтись и так, но жалко обойти Новгород (!). Уж Псков пусть останется до лучших времен. Жаль, что я не видел Лопатиных (родственники Юриной мамы — Н.А.) из-за билетной беготни и не договорился, можно ли у них пожить.

Всего доброго.

Не падайте на площади Свободы.

До встречи.

Юра

24-8-64 г.

Написано на открытке

Мама! Бабушка!

Сегодня приехал в Вытегру, оттуда поеду в Петрозаводск по Онежскому озеру, оттуда на остров Кижы.

Как у вас дела? Нет ли мне писем? Как здоровье? Мама, купила ли ты 5-6 штук газет, ведь я должен Турчинскому и К. (речь идет о публикации стихов в одной из горьковских газет — Н.А.). Всю ночь плыл по Ковже и Вытегре. Парни бодры и здоровы. Как Сашка Цирульников — ему привет. «Я опять уезжаю на север, я спешу, извините меня».

Будьте здоровы, не ругайтесь, не дергайте друг друга.

Юра

26-8-64 г. Петрозаводск.

Написано на открытке

Мама!

Только что приехал с Кижлавной. Трудно рассказать словами о «Салтановом царстве». Это совершенно неповторимо. Конечно, как и на Соловках, новые друзья-фанатики. Дальше еду Волхов — Старая Ладога — Новгород.

Как у вас дела? Как старушенция? Не хворайте, а то я в этом Онежском озере сморкаюсь через минуту. Согреться нечем (даже чертову водку покупать жалко — жмём деньги).

Будьте здоровы, родные.

Целую. Юрий 27-8-64 г.

Написано на открытке

Мама!

Очень беспокоюсь, как никогда. Как у вас дела дома? Как твоё здоровье?

Я-то пошмыгал из-за онежских ветров. Сегодня решили отдохнуть в Новой Ладоге. Сходили в баню. Вспомнил деда, ведь с тех пор я не был в этой обстановке.

Если ты пришлешь деньги, то поедем после: Ленинград — Новгород — Валдай — Бологое — Осташков — озеро Селигер — исток Волги — Ржев — Москва.

Целую. До встречи. В Москве буду 4-5. Юра 28-8-64

Написано на открытке

Мама!

Большущее тебе спасибо за перевод, хотя я натерпелся с ним беды: кто посылал?! Пахомова? Так вот: было написано «Андреанов». И я обходил всё местное начальство, пока, веря глазам, выдали деньги.

Сегодня приехали в Новгород. Сегодня же поздно вечером (в 12 ночи) уедем к истоку Волги. Это видеть нужно. Числа 5-го буду в Москве, оттуда позвоню тебе. Был у Тайгина. Познакомились. Хороший парень. Дагоновским (давние приятели семьи Андреановых по г. Горькому — Н.А.) звонили, но Аркашка что-то приглашал так, без малейшего энтузиазма. Так что, не пошли к ним. В Ленинграде были три дня.

1-9-64 г. Юра

Мамка!

Сегодня был в Нуреке на строительстве ГЭС. Шёл ливень, с гор текла глина, и дорожка в горах — 76 вёрст — хуже кавказских — больше сотен поворотов с высоты 2500 метров.

Стройка — потрясающая! Говорят, самое уникальное в мире сооружение. По этим бешеным дорогам гоняли от штольни до штольни. Прошли по тоннелям, где пойдет Вахш.

Звонил в ЦК (комсомола — Н.А.). Разрешили поездку в Самарканд. Самолет оплатят, но гостиница и жратва за наличный счет — (Узбекская ССР!), но наш маршрутный город.

Время катится уже вниз. Я привык к этому состоянию. Где-то Горький, где-то родная улица.

Жду твоих вестей, 9-го вылетаем в Алма-Ату, где буду 2-3 дня, и 12-го — Целиноград.

Кто звонит — говори, в Горьком буду 22 июня. Молдавию в ЦК перенесли на август

Целую. Юра 3-6-66 г.

P.S. Нашел билет, наверное, покупал перед Керженцем — лежал в паспорте.

Добрый день, мои родные и далекие!

Сегодня купил билет на самолет на 30-е, в этот же день в 5-6-7 ч. Вечером буду в Москве. Позвонить постараюсь. Главное, что 157 р. Отдал, и они меня не связывают. Деньги получил, большое спасибо. Дома, наверное, есть перевод из «Комсомолки» (за публикацию стихов — Н.А.)

Да и здесь я на теле заработаю так, что сразу верну.

Погода здесь немного испортилась, захандрила. Пишу стихи. Обещала одна женщина достать балыка и икры, но сегодня её не видал. От гостиницы до бухты — рукой подать. Прямо под окном грузятся базы.

Сегодня встретил за обедом капитан-лейтенанта, оказался с Оперной улицы (*соседняя с домом Адриановых — Н.А.*), сам дивеевский, но 10 лет на Камчатке. Интересно бывает!

Уже село солнце. Горы посинели, а вы только вставать собираетесь — 6 часов утра у вас. 31-го или 1-го буду на Волге. Как отдыхает мама? Впрочем, спрашивать — зря; ведь я всё равно письма не жду и ни к чему эта взаимная переписка.

Что-то сегодня скучно и тихо, а спать не хочется. Вроде бы надо поужинать. Сейчас схожу в «Гастроном», возьму пожевать.

Ну, до встречи.

Юра 24-8-66 г.

Дорогая мамка! Милая моя!

Я уеду в Душанбе 29-го, так что можешь туда писать до востребования, главпочтамт, мне там быть до 8-ого. Отпиши о вас и делах нижегородских.

Так тихо живу и скучно. Деньги идут тихо: конверты, сигареты. Трамвай, стирка, газеты, журналы — то, что входит в смету.

Это не поездка в ноябре, но всё же надо было взять денег с книжки — ведь это же юг, где пьешь у каждого перекрестка, и это отдых.

Вечерами один лежу подолгу в постели, ночь теплая, а я всё Керженец с его ночами вспоминаю.

Ой, хороша же средняя Россия, если бы не чувство, что надо и эту землю увидеть, то сбежал бы, несмотря на всю интересность.

Целую, целую, целую, родные, далекие.

Юра 23-5-67 г.

Дорогие мои мамка и бабка!

Завтра я улечу через Ташкент на Душанбе. Мы были в Новороссийске, на «Малой земле», где на 1 метр немцы бросали 2000 кг металла. Купались в Цемесской бухте, ездили в горы, к Геленджику.

Дважды выезжали в колхозы Кубани, верст за 100-150. Народ отличный и колхозы фантастические — 8 миллионов дохода! (это 80 по-старому). Роман катался в черкеске на коне с саблей, я антураж не одевал.

Мама, в Душанбе буду 8-го, так что пиши.

Погода в Краснодаре сегодня испортилась — утром дождь был.

Беспокоюсь о книге. Как там дела в издательстве: может, что-то надо менять из-за цензуры?

Пишут ли мне? Не писала ли Денисова (*Искра Денисова — главный редактор журнала «Сов. женщина»*) и Осетров (*Е.И. Осетров - литературовед, писал о Ю.А. статьи в «Комсомолке» и др. изданиях*) и Богуславский — не застал я их на месте вечером 19-го (*когда был в Москве — Н.А.*).

Не писал ли Ваня Морозов? (*Иван Морозов — талантливый поэт-самоучка из Выксы, которому Юра помогал в числе других поэтов-горьковчан — Н.А.*)

Не хворает ли бабка?

В колхозах ящики с черешней, с викторией — так что ели, сколько могли.

Очень скучаю по Волге, по друзьям-приятелям. А уж о доме и говорить не стоит. Всё-таки долгая поездка.

Думаю, что если не устроят очень плотной программы, очерки напишу, а писать стихи сил нет — очень устаю: ведь бывает, по шесть часов в машине.

Получили ли вы пару моих писем, писал я Игорю (*Игорь Кузнецов — режиссер телестудии, друг Юры — Н.А.*) и Шамшурину.

Сколько здесь роз! У меня стоят «подарочные» каждый день — увя-

дать не успевают. Крупные, душистые...

Народ в станицах удивительный, в Россию и в землю влюбленный. Хозяева! Впереди экзотика, но всё же приеду в конце июня хоть на денек и скатаю в Семенов или Макарьев. На реки наши милые и светлые, и тихоструйные. Что-то море это я не перевариваю — северные моря красивей. Много встречаю земляков из разных горьковских мест — все Волге поклон шлют.

Теперь из Душанбе отпишу или телеграмму пришлю.

Будьте здоровы. Привет родным. Всех целую.

Юра
29-5-67 г.
Краснодар

Дорогая мамка! Старушонка!

Вчера поздно ночью приехали в ночной Ташкент, где нас, к великому удивлению, встречали. Но письма из ЦК на Узбекистан не было — пришлось отдать Зр. за гостиницу наличными и за ужин. Потом приехали в город к эпицентру землетрясения. Ташкент удивительно зеленый, весь в строительных кранах, построено очень много, хотя где-то и остались пустыри.

Ночь спали плохо — рядом аэродром. Самэл сидел на кровати и переводил мне стихи молодых польских поэтов, в 3 часа я уже не спал — в 5 уходил самолет.

50 минут лёта, и мы были в Душанбе, где никто нас не встречал. Я позвонил в ЦК ЛКСМ, прислали машину и на сегодня разместили в номер на двоих: обещали расселить завтра. Духота страшная — 30 с лишним градусов, а вблизи Душанбе — 40 тепла.

Мы после разговора в ЦК пошли в город, зашли на базар, купили настоящие шашлыки и пьем на каждом шагу. В три часа я притаился в номер. Роман заказал зеленого чая и мы по-таджикски спаслись от жары. Потом пошел на почту — твое письмо шло два дня. Было письмо и от верного Лёвки Турчинского.

Вдыхаем Азию и белоснежные горы, пёструю смесь Европы и Азии. До Пакистана вёрст 100, не больше. А где-то есть село Макарий и прохладный Керженец.

Мама, если сможешь прислать деньги — шли телеграфом, лучше потерять 1 рубль, чем 10 руб., как в 1965 в Якутске.

Бывают, как видно из Ташкента, самые неожиданные варианты, потому боюсь поездов и пересадок. Лучше аэрофлот. Посчитал, что 72 часа своей жизни висел в воздухе.

Жарко-жарко, даже думать не хочется. Нам полагается на двоих 11 руб. на еду, а на спиртное ни копейки. Да и в этой поездке, которая мне не нужна, ни к чему, да и Азия не кордон Кривель, не Сельская Маза, 11 руб., конечно, проесть даже в ресторане невозможно. Сегодня взяли плов и съели на одну треть! Как лошадям дозы подают. Полагается 2р.50коп. на жильё, 1р.50к. на культурные нужды, машину на 10 часов в день по 2р.50к за час, итого 44 руб. на день, в месяц! И ни копейки на газеты и прочее...

Вылетим в Алма-Ату, наверное, 9-го, а из Целинограда 17-го, 18-го. Не забудь прислать из гонорара 20-25 рублей, если сценарий оплатят в 70р., а если дороже, то побольше, хотя бы на пятерку.

Целую вас, привет Тартиле (*черепахе, которая жила у Адриановых — Н.А.*) и «Факелу» (*телепрограмма на телестудии в то время — Н.А.*), и Лёнке (*Безруков — горьковский поэт — Н.А.*), и Автономову (*горьковский поэт — Н.А.*) позвони — привет.

Юра 31-5-67 г.

Дорогая мамка!

Не смог придти на телеграмму (переговоры), так как уехал в Самарканд, где разорился на сувениры и книги на 8р. Совершенно очаровательный змей, слон, минарет и кувшин, ну и книги. Город пыльный, дикий в тишине своей.

Вечером гуляли с Романом, не мог придумать иначе, чем на такси ехать из центра на турбазу. Спокойствие дороже — глинобитные улочки и — ни фонаря, хоть глаз выколи. «Змей» сейчас улыбается, очаровательный глиняный зверь. Только бы не разбить в чемодане.

Желаю вам всего доброго-доброго. Не знаю, хватит ли сил быть в Москве 2 дня. Даже с Самселом. Хочется недельку (хотя бы) быть дома, на Волге. Я бы сразу уехал — устал как бес.

Спасибо за деньги, хотя их нет, но это моя вина. Но уехать из Самарканда без сувенира — это преступление, мамка.

Бабку целую, старую мою, хорошую.

Черепашку не уморите!

До встречи, целую.

Юра

7-6-67 г.

Снова спешу, едем в Пенджикент на могилу Рудаки, 8 будем в Душанбе, 9 летим в Алма-Ату.

Получил 3 письма твоих, бандероль, деньги — не помню, писал ли об этом.

Дорогая мамка!

Завтра, 9-го в 6 часов утра (3 по московскому времени) улетаем в Алма-Ату. Последний вечер в Самарканде. Поел хорошо. Мы были в Пенджикенте (Древняя Согдиана), опять же в местах А. Македонского, в гостях у молодой четы. Ходили из дома в дом. Старики в чалмах почтительно прикладывали руки к груди — здоровались. В комнате, где только ковры, сидели мы в углу на подушках, как гости. Наелись национальных блюд, а главное, обедаем вишней и черешней до... Сегодня были на винном заводе, где много дегустировали марочных и сухих вин. Сейчас принял душ, сходил на почту и получил твое письмо от 5-го У1.

В Самарканде наша провожающая ушла в 6 часов вечера к родным. Поляк захотел есть, что у нас бывает за дурь в организации — не объяснишь, повёл его в шашлычную и 3р. 80коп. пролетели вместе с такси, т.к. ночью по глинобитным окраинам Самарканда ходить не хотелось. Хочется Волгу повидать! Нынче обещали деньги вернуть, я писал объяснительные записки, писал, но тщетно. Думаю, всё накрылось. Живу с 5р.80коп. как прилетел с Самарканда.

Были на раскопках древнего города и в крепости Гиссаринной, нагладелись на древний Зеревшан.

Ты права: много я бродил по свету, но за всю жизнь красивее и здоровей, и веселей девчат, чем в Краснодарском крае не видел. Роман тоже в шоке. Нельзя быть хорошими подряд!

Посылаю доверенность: 10-11-12-13 получишь гонорар за «Горсть» («Горсть родной земли» - передачи, которые вёл Ю.А. на горьковской телестудии — Н.А.), не забудь отослать кое-что билетное, небольшое на Москву (может, ты уже потеряла доверенность?).

Привет Андрею, Игорю и всем родным. Егор (Игорь Кузнецов, режиссер телевидения, друг Юры — Н.А.) может писать в Целиноград. Мне перед ним и Львом стыдно, но и повидать хочется ужасно.

Целую. Юра

8-6-67 г.

Милый мой, любимый сынуленька!

Крепко, крепко тебя целую и поздравляю с днём твоего рождения!

Очень хотелось бы видеть тебя в этот торжественный день дома! Да что делать! Такой уж ты у меня бродяга уродился! Или как говорят теперь — турист!

Желаю тебе, мой родной, всего самого лучшего, самого светлого в твоей жизни и самого крепкого богатырского здоровья. Очень хочу, чтобы ты был не только хорошим поэтом, но и очень хорошим сыном и чутким человеком.

Больших тебе удач в твоём творчестве!

Будь тверд духом и никогда не унывай и не поддавайся дурному настроению. Много тяжелых моментов в нашей жизни, иногда кажется, что всё потеряно и незачем жить, но проходит острота и снова всё идет хорошо — всё проходит, если не потеряешь голову. Не скроют тучи солнца! — Нет, не скроют! Юрочка мой!

Ещё раз крепко целую и обнимаю тебя. Жду с нетерпением домой. Очень соскучилась. Прими самые лучшие пожелания и искренние поздравления в твой светлый день от бабушки, Люси, ребяташек, Виктора, Иринки, Люси и Володи с семейством и ото вех родных .

Мама
15-6-67 г

Мамка! Мамка! Мамка!

Бабка! Бабка! Черепаха!

Всё очень хорошо. Очень устал. Надоело как черту всё: нельзя за один-два месяца кататься по всему государству.

Хочу Волги, а где-нибудь в августе — Васильурска или Просека, чтобы писать. Всё, что видел, выплеснется.

Целую, целую.

Юра
г. Бендеры
30-6-67 г.

Извините за 22. Мучаюсь. Но это от тоски и горечи.

Родные мои!

Сегодня 22-го буду в Свяжске, а завтра в Казани. Оттуда и брошу это письмо. В Васильурске хотел забрести в стан Игоря Кузнецова, но шел дождь, и семь часов Васильурска прошли уныло. Правда, хорошо принимали на вечере в Доме отдыха. Как-то радостно опять встречаться с Волгой — весь плёс от Горького до Василя простоял на палубе. Погода ветреная и дождливая — все завидуют моей куртке и кедам.

С нами едет агитбригада с Бора, так что весело и радостно. А у вас, наверное, хворь и хворь, мамка.

Патреев и здесь пытался стать начальником, но начальник Кочетков. Не забудь позвонить Нилу Бирюкову.

Выступать приходится по три раза на дню, что довольно тяжело. Команда (*теплохода — Н.А.*) помнит нас — Рудова, Кузнецовых и т.д. Меня тоже помнят хорошо — жожу на правах старого знакомого.

Их Ульяновска отпишу, да из Куйбышева, да из Саратова.

Целую мамку-бабку. До Нижнего!

Юрий
22-8-68 г.